

А. А. Дмитриев

Роль Строгановых в покорении Сибири
Новый пересмотр сибирского вопроса

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. А. Дмитриев**
Роль Строгановых в покорении Сибири: Новый пересмотр сибирского вопроса / А. А. Дмитриев – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 94 с.

ISBN 978-5-458-40732-8

ISBN 978-5-458-40732-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такимъ образомъ „въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но также, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ханами, а только князьями, то-есть, беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало потомству Чингизову, то-есть, Шейбанидамъ“ ¹⁾. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ и его сынъ Тайбуга не были людьми Чингизидовой крови, и извѣстіе о ихъ ногайскомъ происхожденіи является весьма вѣроятнымъ, если особенно имѣть въ виду, что источники XVI вѣка весьма часто называютъ татаръ Сибири ногайцами. Въ возможности дѣйствительныхъ сношеній сибирскихъ татаръ съ ногайскими нѣтъ основаній сомнѣваться, какъ сейчасъ увидимъ.

Примѣръ Онсома и Тайбуги оказался заманчивымъ при томъ просторѣ, какой представляла Сибирь для полудикихъ хищниковъ. По примѣру ихъ, одинъ изъ Шейбанидовъ, Ивакъ, главный ханъ Шибанской орды, уже владѣвшій въ средней Азіи Туркестаномъ, утвердился на той же рѣкѣ Ишимѣ, притокѣ Иртыша, а отчасти на этомъ послѣднемъ, принудивъ болѣе раннихъ насельниковъ тѣхъ мѣстъ Тайбугина рода ограничиться рѣкой Турой. Мало того, властолюбивый Ивакъ, шибанскій ханъ, скоро изгналъ ихъ и съ береговъ Туры, заставивъ нѣкоторое время скитаться гдѣ-то на Оби или верхнемъ Иртышѣ. Онъ самъ засѣлъ въ городѣ Чинги-Турѣ, переименованномъ русскими въ Тюмень, и отсюда вошелъ въ непосредственныя сношенія съ ханами Ногайской орды. Онъ женился на какой-то ногайской царевнѣ, братьевъ которой звали Муса-мырза и Янгурчей-мырза ²⁾, и съ помощью Ногайской орды задумалъ погубить послѣдняго хана Золотой орды, извѣстнаго противника Іоанна III, Ахмата, что ему и удалось въ 1481 г. Убивъ Ахмата, „шибаны съ ногаи начаша Ахматову орду грабити межъ Дономъ и Волгою, на Донцу на Маломъ близъ Азова; и стоялъ царь Ивакъ 5 дней на

¹⁾ Д. И. Иловайскій, *Исторія Россіи*. Т. III: Московско-царскій періодъ, первая половина или XVI вѣкъ. Москва. 1890 г., стр. 886—887. Въ примѣчаніяхъ 68—78 указана обширная литература по вопросу о завоеваніи Сибири. Въ I томѣ того же труда, въ части 2-й: Владимірскій періодъ, Москва, 1880 г., въ примѣч. 48, 53 и 54, указаны источники и пособія по вопросу о монголо-тарахъ.

²⁾ Н. М. Карамзинъ, *Истор. Госуд. Россійскаго*, VI, примѣч. 240.

Ахматовъ ордіѣ и поиде прочь; а Ордобазаръ съ собою поведе въ Тюмень, не грабя, а добра и скота и волона литовскаго безчисленно поймавъ и за Волгу перевелъ. Тогожъ лѣта царь Ивакъ послалъ Чюнгуръ князя къ великому князю Ивану Васильевичу и къ сыну его съ радостію, что суноостата твоего есми убилъ царя Ахмата; и великій князь посла Ивакова чествовалъ и дарилъ¹⁾.... Этотъ же Чюнгуръ былъ въ Москвѣ еще два раза—въ 1489 и 1494 годахъ²⁾). Эти посольства были, однако, не болѣе какъ знакомыи любовности между двумя сосѣдними владѣтелями.

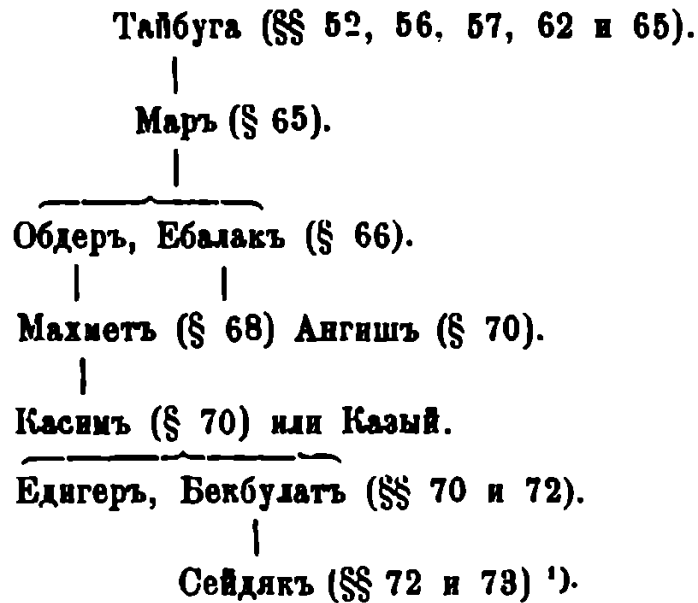
Вѣроломный и честолюбивый Ивакъ самъ, однако, имѣлъ участь несчастнаго Ахмата, наваго отъ его руки. Обиженный нигъ Тайбугинъ потомокъ Махметъ, также родственникъ ногайскъ, собрался съ силами, напалъ на Ивака и убилъ его въ собственной землѣ³⁾. Послѣ того сынъ Ивака, Кулукъ-Салтанъ, пытался утвердиться въ сосѣдней Перии Великой, но безуспѣшно, такъ какъ эта страна съ 1472 г. уже была въ рукахъ Москвы. Лѣтопись подъ 1505 годомъ говорить: „Въ понедѣльникъ на страстной рать пришла безъ вѣсти изъ Тюмени на Великую Перію. Кулукъ-Салтанъ, Ивака царевъ сынъ, да съ братьемъ и съ дѣтьми, города (Чердыни) не взявъ, а землю Нижнюю извоєвали, въ Усолѣ на Камѣ (то-есть, въ Соликамскѣ) русаковъ вывели и выскли; и князь Василей Коверъ (первый государевъ наместникъ въ Перію Великой) на полѣ водѣ (то-есть, на нолой водѣ) въ погоню послалъ русаковъ въ судѣхъ, и догнали ихъ въ Смылѣ на перевозѣ заднюю заставу, да и побили“⁴⁾. Этой неудачной попыткой сдѣлаться независимыми владѣтелями на Уралѣ не кончились, какъ ниже увидимъ, предпріятія потомковъ Ивака, одно время столь сильнаго и предпріимчиваго дѣятеля въ родѣ Шейбанидовъ. На берегахъ же Туры и далѣе къ востоку снова стали править князья, или беки, изъ рода Тайбуги. Миллеръ въ первой

¹⁾ Карамзинъ (VI, примѣч. 240) разсказываетъ это на основаніи Архангельскаго лѣтописца и Ногайскихъ дѣлъ, начинающихся съ 1489 года.

²⁾ Иловайскій, Исторія Россіи, томъ III, стр. 386 и 657.

³⁾ См. дополнителныя выписки изъ лѣтописей въ VI томѣ „Исторіи“ Карамзина (последняя выписка въ примѣчаніяхъ). Ср. мою „Перискую Старину“, вым. I, стр. 163 и 184. Изъ тѣхъ же выписокъ видно, что въ 1504 г. городъ Чердынь сгорѣлъ, „и князь Матвій Михайловичъ Великоперискій поставилъ городъ на Покчѣ (то-есть, Покчѣ) новой“. Послѣ этого не совѣтъ понятно, какъ пощадилъ его Кулукъ-Салтанъ, разорившій Нижній станъ Чердынскаго уѣзда.

части своего „Описанія Сибирскаго царства“ указываетъ слѣдующую ихъ родословную:

Въ общемъ эта родословная Тайбугиныхъ потомковъ согласуется съ болѣе или менѣе позднѣйшими выводами ориенталистовъ. Миллеръ, строго критически устанавливая преемственность ихъ владѣнія на берегахъ Туры, Тобола, Ишима и Иртыша какъ по русскимъ, такъ по татарскимъ и другимъ источникамъ восточнаго происхожденія, указываетъ еще на двухъ отдѣльныхъ правителей на берегахъ Иртыша—Сенбахту, сына Махмета, и Саускана, „котораго сродство и наслѣдіе не описаны“ (см. § 70). Но эти два послѣдніе бека были второстепенными владѣтелями. Главное же татарское княжество со времени Махмета, убившаго Ияка, утвердилось на р. Иртышѣ при впаденіи въ него р. Тобола. Столица этого княжества Сибирь, или Искеръ, находилась на правомъ берегу Иртыша, на высокомъ мысу, въ 16 верстахъ выше нынѣшняго Тобольска ²⁾. Этотъ древній городъ упоми-

¹⁾ Карамзинъ (т. IX, стр. 373) приводитъ ту же родословную; только сынъ Тайбуги считаетъ Ходжу, а внукомъ—Мара.

²⁾ По Миллеру, основателемъ Искера былъ Махметъ, но это не вѣрно. Въ 1750 г. еще видны были остатки этого города (Опис. Сиб. царства, стр. 42—48). Считаю нужнымъ указать здѣсь на специальную „Замѣтку о происхожденіи слова Сибирь“, В. М. Флоринскаго, въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Томскаго университета*, кн. 1-я, Томскъ, 1889 г., отд. II, стр. 1—14. Авторъ ея впадаетъ, однако, въ слишкомъ смѣлыя предположенія. Искеръ по-татарски значитъ старое городище. Предположеніе Н. А. Савоцова, будто Сибирскій юртъ Едигера находился между рѣкъ Исети и Міаса, при озерахъ Иртышъ и двухъ Нанягахъ, мы рассмотримъ дальше. См. его „Историч. обзоръ Сибири“, С.-Пб., 1886 г., ч. I, стр. XV—XVI.

нается уже на картѣ Пицигани 1867 года ¹⁾). Въ началѣ XVI вѣка это княжество имѣло довольно обширные размѣры, простиралось отъ Иртыша по Тоболу и нижней Тавдѣ до р. Туры, гдѣ, какъ мы видѣли, еще едва ли не раньше возникъ городъ Чинги-Тура. Выше этого города въ томъ же вѣкѣ находился г. Енанча, впоследствии переименованный русскими въ Туринскъ. Къ сѣверу отъ этого „Сибирскаго“ княжества лежала область угровъ-вогуловъ и остяковъ, а какъ далеко простирались его границы къ югу, опредѣленно сказать нельзя.

Махметъ и сынъ его Касимъ или Казый, преемники убитаго Ибака по владѣнію указанными землями, въ отношеніи Москвы держались, однако, его политики: они поддерживали дружественныя связи съ московскими государями, зная ихъ силу и отношенія къ угорскимъ князьямъ, жившимъ къ сѣверу отъ ихъ татарскаго княжества. Это видно изъ грамоты царя Феодора Иоанновича Кучуму 1597 г., въ которой говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Махметъ платили дань великому князю московскому Ивану III Васильевичу ²⁾. Тѣмъ болѣе долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія къ Москвѣ сынъ Казыя, Едигеръ, при которомъ Шейбаниды снова заявили свои права на Сибирское княжество потомковъ Тайбуги. При Едигерѣ вновь появляется въ фамиліи Шейбанидовъ могущественный ханъ. Это былъ извѣстный Кучумъ, сынъ Муртазы, внукъ умерщвленнаго Махметомъ Ибака. Опасаясь его могущества и вражды къ роду Тайбуги, Едигеръ, какъ представитель этого рода, долженъ былъ волею-неволею искать покровительства въ сильномъ московскомъ царѣ. И вотъ въ 1555 г. пришли къ Иоанну послы отъ сибирскаго князя Едигера и отъ всей земли Сибирской поздравили царя со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго и били челомъ, чтобы и Сибирскую землю онъ взялъ подъ свою защиту и дань свою наложилъ и прислалъ бы въ Сибирь для ея сбора человѣка. Иоаннъ пожаловалъ челобитчиковъ, взялъ подъ свою руку князя Едигера и его Сибирскую землю, наложилъ на нее дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ въ Сибирь посла своего Дмитрія Непейцына, которому велѣлъ привести къ при-

¹⁾ См. „Пермскую Старину“, II, 3.

²⁾ Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. II, М., 1819 г., стр. 132, № 66: „А послѣ дѣда твоего, Ибака-царя, сказано здѣсь, были на Сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, *Махметъ-Куль, а послѣ Казый князь, а послѣ Казыя Едигеръ князь, и ты еси князи дѣду нашему... государю царю и великому князю Ивану Васильевичу съ Сибирскія земли дань давали*“.

сягъ жителей Сибирской земли и переписать „черныхъ“ ся людей. По донесенію посланныхъ, таковыхъ людей оказалось 30.700 чел.¹⁾. Такъ совершилось первое добровольное подчиненіе Тайбугиной династїи власти московскихъ государей. Въ сохранившихся свидѣтельствахъ Едигеръ дѣйствительно представляется такимъ же данникомъ Москвы, какъ, напримѣръ, югорскіе князья Певгѣй и Лугуй или извѣстный Игичей Алачеепъ, князь Коды. Для Едигера Іоаннъ IV уже считалъ дань обязательною, почему нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ государь въ грамотѣ польскому королю Сигизмунду отъ 20-го іюля 1563 г. называлъ себя: „.... и Удорскій, Кондинскій и вся Сибирь“ (*Миллеръ*, стр. 70). Въ Степенныхъ книгахъ того времени и въ лѣтописяхъ, коими пользовался Миллеръ, сохранились подробныя свѣдѣнія о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Едигера къ Іоанну IV. Изъ нихъ видно, что въ 1556 г. въ ноябрѣ мѣсяцѣ возвратился въ Москву изъ Сибири посолъ Іоанновъ Дмитрій Куровъ и съ нимъ прїѣхалъ отъ Едигера посолъ Боянда съ данью 700 соболей и съ грамотою отъ Едигера, въ которой сибирскій князь извѣщалъ московскаго царя, что, за приходомъ на него, Едигера, шибанскаго царевича и причиненнымъ отъ него разореніемъ, онъ, сибирскій князь, не можетъ прислать дани больше. Русскій же посолъ Куровъ увѣрялъ, что „имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ Едигеръ“. „И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу наложилъ,... а въ Сибирь послалъ служиваго татарина съ грамотою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ, государемъ, исправили“²⁾. Дальнѣйшій образъ дѣйствій Іоанна по отношенію къ Едигеру становится все болѣе властнымъ. Въ сентябрѣ 1557 г. посланные татары возвратились въ Москву³⁾. Одна лѣтопись въ библіотекѣ Академіи Наукъ (№ 11) повѣствуетъ объ этомъ такъ: „прїѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служивые татарова Девлетъ Козя да Сабаня Рязановъ, а съ ними Едигера, князя сибирскаго, посланники Истемиръ съ товарищи и привезли дань Сибирскія земли сполна тысячу соболей, да дорожной пошлыны сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, да грамоту шертную привезли со княжію (то-есть, Едигеровой) печатью, что ся учинилъ князь въ холопствѣ, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодно

¹⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VI, 410; *Иловайскій*, Исторія Россіи т. III, 887.

²⁾ Изъ лѣтописца игумена *Сильвестра Никольскаго*. Въ Степенныхъ книгахъ то же событіе изложено не такъ подробно. Выдержки см. у *Миллера*, стр. 73.⁴⁾

³⁾ *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. VI, стр. 410.

безпереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустилъ, "...а съ нимъ послалъ служивыхъ татаръ по дань въ передней годъ" ¹⁾). Ясно, что данническія отношенія теперь уже приняли обязательный характеръ, какой едва ли былъ желателенъ всѣмъ подданнымъ Едигера, да, кажется, и самому ему.

По этому поводу справедливо' говорить С. М. Соловьевъ: „Такая зависимость сибирскаго юрта отъ Москвы была не прочна: Едигеръ поддался съ цѣлью имѣть помощь отъ русскаго царя противъ своихъ недруговъ, или по крайней мѣрѣ сдерживать ихъ страхомъ предъ могущественнымъ покровителемъ своимъ; но помощь трудно было получить ему по самому отдаленію его владѣній отъ областей московскихъ, и та же отдаленность отнимала страхъ у враговъ его, которые надѣялись безнаказанно овладѣть Сибирскимъ юртомъ и потомъ, въ случаѣ нужды, умиловитъ московскаго царя обязательствомъ платить ему такую же дань, какую платилъ прежній князь.... Дѣйствительно, мы видимъ въ Сибири перемѣны: князья изгоняются, губить другъ друга (Махметъ—Исака, внукъ послѣдняго Кучумъ—внуковъ Махметовыхъ Едигера и Бекбулата и т. д.). Москва, не принимая никакого участія въ этихъ перемѣнахъ, требуетъ одного—дани" ²⁾). Отсюда самъ собою являлся вопросъ: въ чемъ же состояло покровительство Москвы, столь дорого оплачиваемое сибирскими владѣтелями? Да и не въ одной Сибири было такъ; то же было въ Башкиріи къ западу отъ Урала. Доказательствомъ служить черемисскій бунтъ на Камѣ 1572 г. ³⁾). Вотъ почему подданство Едигера Іоанну считается только номинальнымъ. До полнаго покоренія Сибири было еще далеко. За это время и отношенія многихъ угорскихъ князей къ Москвѣ отличались не болѣею прочностью.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось за то же время во враждебномъ Едигеру лагерѣ Кучума. Мы сказали, что по происхожденію онъ былъ Шейбанидъ, сынъ Муртазы, внукъ извѣстнаго Исака, почему въ источникахъ и называется „шибанскимъ царевичемъ“, а потомъ и „царемъ“. Какъ представитель династїи Чингизидовъ, онъ и называется во всѣхъ источникахъ царемъ-ханомъ или султаномъ, тогда какъ Едигеръ и его предки Тайбугиной династїи вездѣ именуются только князьями—

¹⁾ Миллеръ, Описаніе Сибирскаго царства, стр. 73.

²⁾ Исторія Россіи, VI, 410—411.

³⁾ О немъ см. грамоту Строгановымъ, приведенную у Миллера на стр. 85—86. Грамота дана 6-го августа 1572 г.

беками. Лучшее всего генеалогія этихъ двухъ враждебныхъ другъ другу династій разработана въ прекрасномъ трудѣ нашего ориенталиста Вл. Вл. Вельяминова-Зернова: „Исслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (С.-Пб., 1864 г.) ¹⁾, къ которому и отсылаемъ читателя за подробностями. Мы же остановимся на политическихъ отношеніяхъ Кучума къ Едигеру и затѣмъ къ Іоанну IV.

Кучумъ жестоко отмстилъ Едигеру за смерть своего дѣда Ивака, павшаго отъ руки Махмета. Внуки рассчитались за честь своихъ дѣдовъ. Отъ Москвы Едигеръ не получилъ никакой помощи и около 1563 г. вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Бекбулатомъ трагически погибъ отъ руки безпощаднаго врага. Въ Искерѣ, на высокомъ берегу Иртыша, взошло знамя Шейбанидовъ. Только сынъ Бекбулата, Сейдякъ, спасся отъ смерти, да нѣкоторые подручные Едигеру мурзы крѣпко засѣли въ своихъ городахъ, рѣшившись защищаться до послѣдней возможности. Одинъ изъ нихъ укрѣпился въ Тюмени (Чинги-Турѣ), другой въ Туринскѣ (Елапчѣ). Они сохраняли свою независимость даже при Кучумѣ. Разные вогульскіе и остяцкіе князья въ первое время также оказали сопротивленіе Кучуму. Таковы особенно были князья Пелымскіе. Но силы Кучума, подкрѣпленные киргизъ-кайсаками или ногаями, сломали упорство отдѣльныхъ противниковъ, не связанныхъ болѣе единствомъ власти и не поддержанныхъ своевременно Москвой. Въ началѣ 1570 годовъ Кучумъ уже прочно утвердился въ Сибири и ввелъ среди татаръ магометанскую вѣру, которая скоро сплотила ихъ въ одинъ политическій союзъ, одушевленный фанатизмомъ. Въ этомъ объединеніи сибирскихъ татаръ ему много содѣйствовалъ родственникъ Магметкулъ ²⁾.

Въ отношеніи же къ Москвѣ Кучумъ первое время держался политики своихъ предшественниковъ Тайбугина рода, а также своихъ дѣда—Ивака-хана и отца—Муртазы. Съ Москвою онъ жилъ сначала мирно, именно по примѣру своего дѣда и отца. Въ первой своей грамотѣ къ Іоанну отъ 1570 г. Кучумъ писалъ, между прочимъ: „Съ нашимъ отцомъ (Муртазою) твой отецъ (Василій III) гораздо поми-

¹⁾ Особенно см. II томъ, стр. 386—399 объ отношеніяхъ Тайбуги къ Шейбанидамъ, стр. 238—240 объ Ивакѣ, 394—о Муртазѣ и ин. др. Нѣкоторые изслѣдователи (напримѣръ, *Миллеръ*, стр. 50) едва ли правильно считаютъ Кучума киргизъ-кайсакомъ.

²⁾ По однимъ извѣстіямъ, это былъ братъ Кучума, по другимъ—сынъ, по третьимъ—племянникъ. Послѣднее считается наиболѣе вѣроятнымъ. См. *Иловайская*, *Исторія Россіи*, т. III, стр. 658; у *Карамзина* см. примѣч. 660 къ IX тому.

рился, и гости на обѣ стороны ходили.... Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ же быти пригоже¹⁾. Обѣ отношеніи его дѣда Ивака, убійцы хана Ахмата, къ Іоанну III мы уже сказали выше: ихъ отношенія также были дружественныя. Однако воинственныя склонности Кучума сказываются въ другихъ словахъ той же грамоты: „А по ся мѣста грамоты къ тебѣ не прислалъ есмь потому, что не съ которымъ (то-есть, съ нѣкоторымъ человѣкомъ) намъ война была, и мы того недруга своего взяли; и нынѣ похощу миру, и мы помиримся, а похощу воеватися—я мы воюемся“. Такой ханъ лишь до поры до времени могъ терпѣть обычное требованіе московской дани: онъ былъ слишкомъ самолюбивъ для этого. Тѣмъ не менѣе о миролюбивыхъ сначала намѣреніяхъ новаго сибирскаго хана говорятъ вѣчи пермскаго намѣстника Никиты Ивановича Ромодановскаго, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. Онъ свидѣтельствуетъ, что нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя московскаго, къ которому хочетъ послать ее, но что этому пока препятствуетъ война его съ казацкимъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ) ханомъ²⁾. „Теперь собираю дань,—говорилъ будто бы Кучумъ русскому человѣку,—къ господарю вашему пословъ отправлю; теперь у меня война съ казацкимъ царемъ (то-есть, киргизъ-кайсацкимъ); одолѣетъ меня царь казацкій, сядетъ на Сибирь, но и онъ господарю дань станетъ же давать“³⁾. Дѣйствительно, въ 1571 г. отъ Кучума явились въ Москву посолъ Таймасъ и гонецъ Аиса, которые привезли полную дань, согласно съ прежними условіями, заключенными Москвою еще съ Едигеромъ, то-есть, тысячу соболей. Отъ имени сибирскаго царя они снова договариваются о ежегодной дани московскому царю по 1000 соболей и по стольку же бѣлокъ⁴⁾. Но дружба Кучума съ Іоанномъ оказалась непродолжительна и объясняется главнымъ образомъ войнами его съ прежними сибирскими владѣтелями и какимъ-то киргизъ-кайсацкимъ ханомъ. Какъ только эти войны кончились въ пользу

¹⁾ Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ, II, стр. 52, № 42.

²⁾ Акты Историческіе, т. I, № 179.

³⁾ Тамъ же и у Соловьева въ Исторіи Россіи VI, 411.

⁴⁾ Собран. госуд. грам. и догов., II, № 45. Съ хронологическими соображеніями И. А. Олениова едва ли можно согласиться. См. „Историч. обозрѣніе Сибири“, С.-Пб., 1886 г., стр. XVI.

Кучума, онъ сбросилъ съ себя маску и, вопреки заключеннаго съ Москвою договора, самъ сталъ дѣйствовать вызывающимъ на войну образомъ. Уже съ слѣдующаго 1572 г. онъ начинаетъ беспокоить сосѣднюю московскую область—Пермь Великую, въ юго-восточномъ углу которой лежали вотчины Строгановыхъ, а по сосѣдству съ ними, къ югу отъ Чусовой, по верховьямъ этой рѣки и въ бассейнѣ ея притока Смывы, жило много башкиръ, татаръ, остяковъ и ноголовъ. Послѣдніе ограничивали Пермь Великую съ востока и юго-востока въ ближайшемъ сосѣдствѣ Уральскихъ горъ. Все это были сподручныя для Кучума элементы населенія, питавшіе неприязнь къ московской власти и, слѣдовательно, склонные къ измѣнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ими-то и воспользовался Кучумъ для своей интриги противъ Москвы. Едва ли не безъ его участія въ 1572 г. вспыхнулъ извѣстный черемисскій бунтъ. По крайней мѣрѣ, его можно считать подстрекателемъ черемисъ, владѣнія коихъ были на Чусовой и Камѣ. Въ одной грамотѣ Строгановымъ отъ мая 30-го 1574 г. мы читаемъ: „а къ нашимъ де измѣнникамъ, къ черемисѣ, какъ намъ была черемиса измѣнила, посылаеъ сибирской чрезъ тахчей и перевелеъ тахчей къ себѣ“ (*Миллеръ*, стр. 87). Далѣе мы увидимъ, что вогульская область Тахчей лежала на верхней Тавдѣ, на старой сибирской дорогѣ изъ-за Урала на р. Каму. Потому въ сообщеніи грамоты нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ черемисы забунтовались на Камѣ, у Кучума отношенія съ Москвою тогда еще не были прерваны и посылать своихъ людей чрезъ Тахчей онъ имѣлъ возможность. Другой дороги къ р. Камѣ онъ и не зналъ, судя по тому, что въ 1573 году, по словамъ той же грамоты 1574 года, Магметкулъ приходилъ на Чусовую, „собрався съ ратью дорогъ провѣдывати, куды идти ратью въ Пермь“.

Черемисскій бунтъ на Камѣ прежде всего угрожалъ Строгановымъ, вотчины которыхъ лежали по берегамъ этой рѣки и могли подвергнуться разоренію. Поэтому въ іюлѣ 1572 г. тогдашній великопермскій воевода князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ послалъ въ Москву съ своимъ человѣкомъ Иваномъ Борисовымъ челобитную, въ которой доносилъ царю „о вѣстяхъ про черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ“, и о томъ, что отъ 15-го іюня онъ получилъ письмо съ устья Камы отъ Строгановскаго человѣка Третьячка, въ которомъ говорилось: „приходили де измѣнники черемиса на Каму 40 человѣкъ, да съ ними де остяки и башкирцы и бунцы войною, и побили де на Камѣ пермичъ торговыхъ людей и вотащниковъ 87 че-

ловѣкъ¹⁾. Въ виду важности донесенія воеводы Вулгакова, царь немедленно отправилъ въ Пермь, въ Орелъ-городокъ („въ слободку на Каму“) грамоту отъ 6-го августа 1572 года на имя Якова и Григорія Аникиевичей Строгановыхъ, въ которой повелѣвалъ имъ: „жить съ великимъ береженьемъ, выбравъ у себя голову добра, да съ нимъ охочихъ казаковъ, сколько приберется, со всякимъ оружьемъ, съ ручницами и съ сайдаки; да и остяковъ и вогуличъ, которые намъ прямиать, съ охочими казаки, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать.... А какъ голову выберете, да и охочихъ людей стрѣльцовъ и казаковъ велѣли написать въ списокъ; а сколько остяковъ и вогуличъ охочихъ людей соберется, и вы-бъ то велѣли жъ написать на списокъ же, по именомъ написать.... да оставя у себя противень, а съ того именного списка списавъ, прислать за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву въ приказъ Казанскаго дворца къ дьякамъ нашимъ Андрею Щелкалову да къ Кирею Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо“. Всѣ подчеркнутыя слова грамоты очень важно имѣть въ виду при дальнѣйшихъ нашихъ объясненіяхъ событій. Далѣе царь писалъ Строгановымъ: „Да тѣ бы есте головы съ охочими людьми съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ остяки, и съ вогуличи посылали войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ—на черемису, и остяковъ, и на вомяковъ, и на нагай, которые намъ измѣнили, отъ насъ отложились“. вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается предупрежденіе, чтобы охочіе люди тѣхъ измѣнниковъ однолично не воевали, но вмѣстѣ съ выборнымъ головой и людьми Строгановыхъ, а чтобы жены и дѣти оставались въ острогѣ. Наконецъ, въ грамотѣ замѣчено: „А которые (измѣнники) будутъ и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямиать и правду свою показуть, и вы-бъ имъ велѣли говорити и приказывать наше жаловальное слово, что мы имъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ своими головами собрався, съ охочими ходили вмѣстѣ воевати нашихъ измѣнниковъ,.... а котораго повоюють, и тому того животь, а жены ихъ и дѣти имъ въ работу“ (*Миллеръ*, стр. 86).

Заручившись такою грамотой, благодаря великопермскому воеводѣ

¹⁾ Изъ грамоты Строгановымъ отъ 6-го августа 1572 года, напечатанной у *Миллера* въ Опис. Сиб. царства, 1750 г., стр. 86. Въ Строгановской лѣтописи допущена путаница фактовъ: тамъ сказано, что 15-го іюля 1572 г. черемисы будто бы были уже въ Пермь, гдѣ около Кликора и Кергедана побили русскихъ 87 человекъ. Въ дѣйствительности этого не было.